

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Процессуальное положение подозреваемого в уголовном процессе.»

Обучающийся

Н.Ш. Валиев

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Цель исследования состоит в комплексном анализе процессуального положения подозреваемого в российском судопроизводстве, в установлении (на основе анализа практики) наиболее актуальных проблем обеспечения его прав, а также в выработке рекомендаций по оптимизации уголовно-процессуального закона в данной области.

В процессе исследования использовались общенаучные методы (диалектический, логический, структурный, аналитический, сравнение, обобщение и др.), а также частно-научные методы (правового анализа, юридического толкования, правового моделирования, сравнительного правоведения, формально-юридический и др.).

Новизна исследования состоит в том, что в нем исследуются актуальные проблемы правового положения подозреваемого с учетом современной практики и последних законодательных корректировок. Автор предлагает варианты совершенствования уголовно-процессуальных норм, которые могли бы наиболее оптимально обеспечить соблюдение прав подозреваемого, а также достичь целей уголовного судопроизводства.

Практическое значение исследования, в первую очередь, обусловлено конкретными предложениями, адресованными законодателю, связанными с корректировками уголовно-процессуальных норм. Также ряд предложений может быть учтен органами правоприменения, при осуществлении предварительного расследования по уголовному делу. Кроме того, сделанные автором выводы, возможно использовать при составлении лекций и учебников по уголовно-процессуальному праву РФ, а также смежным дисциплинам.

Структура работы соответствует выше обозначенным целям и задачам. В нее входит введение, две главы, каждая из которых охватывает по три параграфа, заключение, список литературы и других источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические основы института подозреваемого в уголовном процессе РФ	7
1.1 Понятие подозреваемого в уголовном процессе	7
1.2 Эволюция процессуального статуса подозреваемого в отечественном законодательстве	14
1.3 Основания признания лица подозреваемым	25
Глава 2 Содержание статуса подозреваемого и проблемы обеспечения его прав	34
1.1 Права и обязанности подозреваемого в уголовном процессе	34
2.2 Проблемы обеспечения прав и законных интересов подозреваемого	44
2.3 Совершенствование процессуального статуса подозреваемого в современном уголовном процессе РФ	53
Заключение	61
Список используемой литературы и используемых источников	65

Введение

Современные преобразования в сфере охраны и обеспечения прав и интересов субъектов, вовлеченных в производство по уголовному делу, можно рассматривать характерной чертой эволюции отечественного законодательства, происходящей в последнее время.

В рамках уголовного судопроизводства особое положение занимает подозреваемый. Данный субъект подвергается уголовному преследованию, в отношении него могут быть использованы меры уголовно-процессуального принуждения и др., а, соответственно, он должен располагать эффективными инструментами, позволяющими ему обеспечить защиту своих правомерных интересов. Между тем, практика свидетельствует, что нередко права подозреваемых оказываются ущемленными. Несовершенны основания, исходя из которых субъект обретает статус подозреваемого, а также гарантии на его защиту. Необходимость решения указанных и иных проблем участия подозреваемого при расследовании уголовного дела, обуславливает актуальность исследуемой темы.

Отдельные проблемы статуса подозреваемого и особенности его участия в уголовном процессе в разное время исследовали: М.З. Абесалашвили, А.К. Аверченко, В.Д. Адаменко, Н.А. Белый, Ф.А. Богацкий, Н.В. Витрук, Л.М. Володина, В.Н. Григорьев, А.П. Гуськова, Х.Г. Дадиева, В.Я. Дорохов, А.С. Епанешников, Н.В. Жогин, О.А. Зайцев, О.В. Качалова, М.Н. Клепов, Л.Д. Кокорев, И.Р. Кузуб, А.М. Ларин, Е.Г. Мартынчик, Т.Н. Москалькова, В.Р. Навасардян, А.В. Пивень, Р.Д. Рахунов, В.А. Стремовский, М.С. Строгович, А.А. Терегулова, А.Л. Цыпкин, М.П. Шешуков, С.П. Щерба и др.

Между тем, практические проблемы, связанные с участием подозреваемого и соблюдения его прав в уголовном процессе, существуют и по сей день, в связи с чем необходимы дальнейшие теоретические

исследования для выработки путей совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Объектом исследования являются уголовно-процессуальные отношения, связанные с вовлечением в уголовный процесс такого важнейшего субъекта, как подозреваемый. Предмет исследования составляют нормы современного, а также ранее действующего отечественного уголовно-процессуального закона, регламентирующие отношения, связанные с участием в процессе подозреваемого.

Цель исследования состоит в комплексном анализе процессуального положения подозреваемого в российском судопроизводстве, в установлении (на основе анализа практики) наиболее актуальных проблем обеспечения его прав, а также в выработке рекомендаций по оптимизации уголовно-процессуального закона в данной области.

Задачи исследования обусловлены вышеуказанной целью. Основными из них являются: определение понятия подозреваемого в уголовном процессе; анализ эволюции процессуального статуса подозреваемого в отечественном законодательстве; исследование оснований признания лица подозреваемым; изучение комплекса основных прав и обязанностей подозреваемого в уголовном процессе; выявление наиболее актуальных проблем обеспечения прав и законных интересов подозреваемого; выработка путей совершенствования процессуального статуса подозреваемого в современном уголовном процессе РФ.

В процессе исследования использовались общенаучные методы (диалектический, логический, структурный, аналитический, сравнение, обобщение и др.), а также частно-научные методы (правового анализа, юридического толкования, правового моделирования, сравнительного правоведения, формально-юридический и другие).

Теоретическую основу работы дополнили труды таких исследователей, как: Антонов А.П., Аскерова Э.М., Аширбекова М.Т., Безлепкин Б.Т., Велигодский В.В., Виноградов Т.П., Давлетов А.А., Дадиева Х.Г., Жиганов

С.В., Житков Е.О., Зайцев О.А., Лукьянова Е.Г., Lupинская П.А., Мельников В.Ю., Парфенова М.В., Поликарпова О.С., Пономаренко С.И., Рахунов Р.Д., Россинский С.Б., Саперов А.И., Смолькова И.В., Соловьева Ю.И., Сопнева Е.В., Фадеев П.В., Фролова Е., Чупилкин Ю.Б., Шишков А.А., Шпилев В.Н.

Новизна исследования состоит в том, что в нем исследуются актуальные проблемы правового положения подозреваемого с учетом современной практики и последних законодательных корректировок. Автор предлагает варианты совершенствования уголовно-процессуальных норм, которые могли бы наиболее оптимально обеспечить соблюдение прав подозреваемого, а также достичь целей уголовного судопроизводства.

Теоретическое значение работы обусловлено вероятностью использования сделанных автором выводов в последующих доктринальных исследованиях, посвященных проблемам правового статуса подозреваемого. Выводы исследования пополняют доктрину уголовно-процессуального права, и могут подвергаться анализу при проведении различных семинаров, конференций и тому подобное, посвященных проблемам современного уголовного процесса.

Практическое значение исследования, в первую очередь, обусловлено конкретными предложениями, адресованными законодателю, связанными с корректировками уголовно-процессуальных норм. Также ряд предложений может быть учтен органами правоприменения, при осуществлении предварительного расследования по уголовному делу. Кроме того, сделанные автором выводы, возможно использовать при составлении лекций и учебников по уголовно-процессуальному праву РФ, а также смежным дисциплинам.

Структура работы соответствует вышеобозначенным целям и задачам. В нее входит введение, две главы, каждая из которых охватывает по три параграфа, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы института подозреваемого в уголовном процессе РФ

1.1 Понятие подозреваемого в уголовном процессе

Проведя анализ норм Уголовно-процессуального кодекса РФ [54] (далее -УПК РФ) можно сделать вывод, что одним из главных субъектов предварительного расследования является подозреваемый. Между тем, определение понятия «подозреваемый» процессуальный закон не предусматривает, что обуславливает возникновение споров среди теоретиков. Таким образом, самыми обсуждаемыми в доктрине являются вопросы, касающиеся понятия, места среди иных участников процесса, а также оснований привлечения в процесс подозреваемого.

Как указывают авторы, «рассматривая родственную подозреваемому фигуру обвиняемого, видно, что в соответствии с ч. 1 ст. 47 УПК РФ понятие обвиняемого формируется через уяснение обстоятельств, при которых выносится постановление о привлечении в качестве обвиняемого, либо составление обвинительного акта. После этого, указанное лицо нужно считать обвиняемым. А по отношению к подозреваемому такое практически невозможно» [34, с. 35].

Как указывает Конституционный суд РФ, «расплывчатость используемых в законах понятий и определений подрывает единство правоприменения, ослабляет нормативную упорядоченность значимых с точки зрения поддержания конституционной законности общественных отношений и их отдельных компонентов, может приводить к произволу» [17].

Доктрина также едина в том, что применение в законе верно определенных понятий, способствует повышению эффективности такого закона [7, с. 60]. Часть 1 ст. 46 УПК РФ не затрагивает весь объем важных критериев подозреваемого, которые бы способствовали установлению его сущности и процессуального статуса. Скорее следует признать, что в данной

норме указывается на завершение конкретных этапов уголовно-процессуальной деятельности, касающихся преследования субъектов, на которых направлена обвинительная деятельность.

Как указывает Б.Т. Безлепкин, «с появлением в уголовном процессе фигуры подозреваемого начинаются осуществление функции уголовного преследования и разработка центральной обвинительной версии. Тогда же складывается стержневое правоотношение, основанное на том, что управомоченное государством должностное лицо соответствующего правоохранительного органа официально объявляет гражданину о том, что он подозревается в совершении конкретного преступления, а последний получает законное право на защиту от этого подозрения.

Если же в отношении определенного лица по уголовному делу собраны определенные улики, однако дело возбуждено не в отношении данного лица, а по признакам объективной стороны преступления (закон позволяет это делать), причем данное лицо не задержано и в отношении его мера пресечения не применена, оно подозреваемым в процессуальном смысле данного понятия не является и в правоотношения с тем, в чьем производстве находится уголовное дело, еще не вступает. Это - подозреваемый в психологическом смысле слова, а с точки зрения участия в уголовном деле он никто» [5, с. 79].

В теории многие авторы рассматривают основные критерии, способствующие характеристике подозреваемого, выводят дефиниции, принимая во внимание данные критерии. Например, П.А. Смирнов и О.А. Зайцев приводят общее определение, согласно которому подозреваемым является субъект, вовлеченный в процесс по причине проводимой в отношении него проверки на причастность к уголовно-наказуемому посягательству [13, с. 63].

П.В. Фадеев и Д.А. Иванов указывают, что «несмотря на несомненные достоинства данного определения, в нем не нашли отражение юридическое основание и момент начала ограничения свободы передвижения и наделения данного лица соответствующим уголовно-процессуальным статусом. По

замыслу уважаемых авторов, такой подход позволит признать лицо, проверяемое на причастность к совершению преступления, подозреваемым, в случаях проведения следственных действий с его участием или применением в отношении него мер процессуального принуждения. Вместе с тем данное обстоятельство, несмотря на гарантирование прав и свобод лиц, подвергнувшихся уголовному преследованию, в том числе в виде указания на проведение следственных действий, не позволяет решить проблему в полном объеме. Исследование показывает, что при производстве по уголовному делу допрос лица, подозреваемого в совершении преступления, но не признанного таковым в установленном законом порядке, в 28 % случаев допрашивается в качестве свидетеля. Подобный подход ведет к тому, что подозреваемый существенно ограничивается в своем праве на защиту» [56, с. 227].

Можно сказать, что сегодня большинство проблем обеспечения прав подозреваемого связано со следующими негативными факторами: с правовой безграмотностью граждан, исходя из которой попав под подозрение они не имеют представлений о тех действиях, которые они вправе совершить; с ненадлежащим выполнением процессуальных обязанностей сотрудниками органов расследования, которые не информируют подозреваемых о принадлежащих им правах; с фактическим неравноправием сторон процесса; с пробелами в правовом регулировании.

Весьма интересно определение подозреваемого, выведенное Д.В. Шаровым и О.В. Химичевой, заключающееся в том, что в этом статусе выступает субъект, в отношении кого принято соответствующее процессуальное решение [59, с. 60]. Безусловно, «в их определении не были учтены важные признаки, указывающие на обстоятельства вовлечения в производство по уголовному делу подозреваемого, ограничения свободы его передвижения, основания возникновения и окончания уголовно-процессуальных отношений с участием лица, подозреваемого в совершении преступления. Целесообразность такого расширенного указания признаков подозреваемого поддерживается многими юристами, а также связана с

наличием у подозреваемого двух автономных процессуальных статусов, характеризующих его в формальном и материальном (сущностном) смыслах» [56, с. 228].

В доктрине указывается, что «уголовное преследование, связанное с подозрением лица в совершении преступления, предполагает, во-первых, возникновение уголовно-процессуальных отношений в связи с наличием оснований для проведения его проверки на причастность к совершенному деянию; во-вторых, в некоторых случаях применение мер процессуального принуждения, в числе которых возможно ограничение свободы передвижения и заключение под стражу; в-третьих, окончание уголовно-процессуальных отношений в связи с наличием собранных и проверенных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления (при отсутствии таких доказательств происходит отказ от подозрения).

Однако без исследования проблем принятия процессуального решения о признании лица подозреваемым определение подозреваемого будет неполным, ведь механизм правового регулирования его задержания и признания имеет двойственную природу (фактическую и юридическую) и охватывает стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, на которых уголовное преследование осуществляется в публичном и формализованном порядке.

Учитывая многочисленные нарушения прав и свобод лиц, подозреваемых в совершении преступления, на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, особенно на этапе фактического лишения свободы (захвата), учеными предлагаются различные предложения по решению данной проблемы. В их числе предложения о замене протокола задержания подозреваемого на мотивированное ходатайство в суд об избрании в отношении него меры пресечения, связанной с лишением свободы» [56, с. 228].

Как указывает С.И. Пономаренко, «сближение Российской Федерации с другими странами мира порождает необходимость более внимательного

исследования международных стандартов в области прав человека, а также анализа форм обеспечения прав участников расследования в других странах. При сравнении континентальной и англо-американской систем зарубежного права можно сделать вывод о том, что в уголовном процессе многих стран термин «подозрение» употребляется при необходимости допроса лица по поводу причастности к преступлению, а также ограничением свободы передвижения, то есть с его арестом либо задержанием. Важно отметить, что в специальной зарубежной литературе часто термин «подозреваемый» не имеет процессуального характера, а носит потребительский характер для обозначения лица, которое подозревается в совершении преступления и процессуального значения не имеет. Также, особенностью является то, что в законодательстве зарубежных стран нет различия понятий подозреваемый и обвиняемый» [34, с. 37].

В процессуальном законодательстве некоторых государств, так называемого «социалистического содружества», перед его распадом, была установлена процессуальная фигура подозреваемого, которая понималась иначе, чем в нашей стране. В частности, в УПК Венгрии под подозреваемым понимался такой гражданин, в отношении которого ведется предварительное расследование [30, с. 14]. В уголовном процессе Польши к участию в уголовном деле привлекались «подозреваемый» и «подозреваемое лицо» [25, с. 113].

Следует указать, что динамика «интеграционных процессов в рамках Евразийского союза, независимо от его конкретных итоговых форм, полагает наличие большого сходства политических, экономических и социальных основ организации общественных укладов в каждом из государств союза. Похожее сходство возможно обеспечить исключительно в рамках единого правового поля, которое действует на их территории. Так как охраняемые права и законные интересы граждан могут быть наиболее существенно ограничены в рамках возникновения и развития уголовно-процессуальных правоотношений, должно уделяться особое внимание проблеме унификации

законодательного регулирования данных правоотношений. Таким образом, соответствующая проблема должна затронуть и нормы, которые определяют институт подозреваемого в указанных странах.

В настоящее время в названных странах уже существуют нужные исходные предпосылки для соответствующей унификации. Указанные предпосылки сперва обеспечиваются общностью их Конституций, в которых закрепляется первостепенное значение интересов личности, а уже потом интересы государства, что подразумевает большое сходство данного уголовно-процессуального института» [34, с. 37].

Например, в ч.1 ст. 68 УПК Республики Казахстан закреплено, что «подозреваемым является лицо, в отношении которого вынесено постановление о признании в качестве подозреваемого, согласованное с прокурором» [53].

В соответствии с ч.1 ст. 40 УПК Республики Беларусь «подозреваемым является физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, либо лицо, в отношении которого органом уголовного преследования возбуждено уголовное дело или вынесено постановление о:

- применении меры пресечения до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого;
- признании подозреваемым» [52].

Полагаем, что применение унифицированного процессуального акта «о признании подозреваемым» было бы наиболее оптимальным [61, с. 186] (однако, наименование данного акта может быть и другим). Стоит отметить, что сотрудники правоохранительных органов также поддерживают целесообразность такого акта.

В первую очередь, такой подход будет способствовать предоставлению надлежащей защиты лицу от тех субъектов, которые принимают участие в расследовании. Например, в случае возбуждения производства в отношении отдельного гражданина, не установлена обязанность последних разъяснять подозреваемому его правомочия. Также стоит отметить, что акт «о признании

подозреваемым» будет иметь схожие черты с постановлением, принимаемым в отношении обвиняемого. Думается, что такая мера исключила бы из практики случаи, когда граждане, подозреваемые в криминальном деянии, подлежат допросу в статусе свидетелей.

Поскольку в современном уголовном процессе весьма важно соблюдение прав личности, то предлагаемая мера, по нашему мнению, могла бы полноценно гарантировать получение профессиональной помощи адвоката. Вероятность оказания профессиональных разъяснений по поводу прав, наличия информации о подозрении в реализации преступления, с даты принятия постановления о признании подозреваемым, явилась бы оптимальной формой введения в процесс подозреваемого, и соответствовала бы назначению и целям уголовного процесса.

По мнению А.А. Давлетова, на этапе возбуждения уголовного дела необходимо использовать такой акт, как уведомление лица о подозрении [8, с. 65].

Авторы указывают, что «основными признаками подозреваемого, характеризующего его как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения, являются:

- наличие сведений о его причастности к совершению преступления при отсутствии достаточных доказательств для предъявления обвинения;
- основания и предусмотренные законом условия для применения мер процессуального принуждения;
- процессуальные действия и решения, определяющие его процессуальный статус;
- сроки действия правового статуса, начинающиеся с момента фактического лишения свободы передвижения и оканчивающиеся вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого» [56, с. 228].

Таким образом, в современном уголовном процессе подозреваемый должен располагать эффективными инструментами, позволяющими ему обеспечить защиту своих правомерных интересов. Между тем, практика свидетельствует, что нередко права подозреваемых оказываются ущемленными. Несовершенны основания, исходя из которых субъект обретает статус подозреваемого, а также гарантии на его защиту.

Представляется, что в статусе рассматриваемого участника процесса необходимо рассматривать субъекта, подвергаемого уголовному преследованию, в отношении которого для проверки на участие в преступлении вынесено соответствующее процессуальное решение, а также, при необходимости, использованы принудительные меры. Стоит учитывать, что уголовное преследование реализуется в регламентированном порядке в случае существования соответствующих оснований. При этом, как правило, следствие не располагает совокупностью доказательств, необходимой в целях предъявления лицу обвинения.

Думается, что при таком понимании, права граждан, подозреваемых в уголовно-наказуемом деянии, оказались бы более защищенными. Кроме того, они могли бы получить больший объем юридической поддержки. В первую очередь, это связано с тем, что необходимость вынесения соответствующего процессуального акта была бы предусмотрена уже на этапе возбуждения дела.

1.2 Эволюция процессуального статуса подозреваемого в отечественном законодательстве

Различные аспекты, касающиеся эволюции «процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого в уголовном судопроизводстве в его историческом аспекте, представляют большой интерес для развития современной науки уголовного процесса.

Необходимость изучения данного вопроса особенно актуальна в современных условиях, когда Россия выходит на новый исторический путь

своего развития. Сейчас укрепление законности и правопорядка, как и много столетий назад, на заре формирования и развития отечественного государства и права, вновь выходит на первый план, важной составляющей которой является защита прав личности в уголовном судопроизводстве.

При этом совершенно справедливо повышенное внимание уделяется обеспечению прав и свобод лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Это обусловлено тем, что права и свободы данных участников уголовного судопроизводства ограничиваются наибольшим образом (особенно при применении к ним мер процессуального принуждения).

Кроме того, современное понимание состояния законности за соблюдением прав и свобод подозреваемого и обвиняемого невозможно без учета исторических особенностей развития отечественного законодательства» [32].

Одним из важнейших направлений деятельности государства, в соответствии с Конституцией РФ, является признание и защита прав и свобод личности [22]. Эти самым оказано «существенное влияние не только на законодательство государства в целом, но и на дальнейшее развитие юридической науки (в том числе, уголовного процесса), роль и значение тех или иных правовых доктрин.

Точное и неуклонное выполнение этой основополагающей идеи Конституции РФ особенно важно в сфере уголовного судопроизводства, где конституционные права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства ограничиваются в наибольшей степени. Не случайно современное назначение уголовного судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного, необоснованного осуждения, обвинения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Тем не менее, проблемы развития правового статуса подозреваемого и обвиняемого остаются. В основном они касаются комплекса принадлежащих данным участникам процесса прав. Это говорит о том, что в настоящее время возникла настоятельная необходимость не только во внесении точечных изменений в УПК РФ, но и в критическом переосмыслении самой концепции развития уголовного судопроизводства в целом» [32].

Вопросы эволюции статуса подозреваемого в отечественном уголовно-процессуальном праве анализировали различные авторы. Ряд из них указывает, что существовало три основных периода, которым характерны свои особенности:

- «предпосылочный - принятие Екатериной II Учреждения для управления губерний, где впервые фигурирует проблема лица, содержащего под стражей без предъявления обвинения;
- формальный - законодательное закрепление оснований привлечения лица в качестве подозреваемого в указе от 8 июня 1860 г. об Учреждении судебных следователей, Наказе судебным следователям, Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущем заключать в себе преступление или проступок;
- качественных изменений - период введения в действие УПК РСФСР 1961 г.» [48, с. 75].

По мнению Ю.Б. Чупилкина, в статусе подозреваемого необходимо выделять шесть этапов развития. Он указывает, что «первый этап - зарождения и развития, был связан с принятием Краткого изображения процессов и судебных тяжб 1715 года и длился по 1801 год. Характерен этот этап тем, что только к лицу, находящемуся под подозрением в совершении преступления, с целью получения его показаний о совершенном преступлении применялись очистительная присяга, допрос с пристрастием и пытка. Основным способом получения доказательств являлась пытка. Вторым этапом следует считать период с 1801 по 1860 год, в это время пытка официально была отменена, и с

принятием Свода законов законодательно закреплён вид приговора об оставлении в подозрении. Третий этап - период с 1860 года по 1937 год. Знаменуется он тем, что в законодательных актах о подозреваемом имеются уже упоминания как о лице, задержанном или в отношении которого избрана мера пресечения до предъявления обвинения. Все это время законодательство фактически не наделяет подозреваемого комплексом специфических процессуальных прав. Четвёртый этап начинается с 1937 года и длится по январь 1959 года. Характерен данный этап тем, что на предварительном следствии лицо, подозреваемое в совершении преступления, перестало именоваться подозреваемым, в связи с принятием Прокуратурой СССР Циркуляра № 41/26 от 5 июня 1937 года. Пятый этап - с января 1959 года по 1990 год, примечателен тем, что подозреваемый в это время наделяется рядом процессуальных прав, дающих возможность защищаться от предъявленного подозрения. Практически в это время подозреваемый становится полноправным субъектом уголовно-процессуальных отношений. Шестой этап - с начала 90 - х годов по настоящее время, знаменуется расширением прав подозреваемого и доведением его нрав до мировых стандартов» [60, с. 10].

Исследовав отечественное законодательство, можно резюмировать тот факт, что «впервые термин подозреваемый упомянут в таком акте, как Краткое изображение процессов или судебных тяжб. При этом важно отметить, что создание процессуального статуса подозреваемого связывалось с формулированием в отношении лица подозрения. Подозрение же формировалась на основе данных, указывающих на обстоятельства, позволяющие подозревать лицо в совершении преступления. Лицо могло быть под подозрением, если: пыталось скрыться от суда; его видели вместе с другими «злодеями»; оно ранее высказывало угрозы лицу, пострадавшему от преступления; давало противоречивые или разнящиеся по смыслу показания перед судом; если станет известно, что оно кому-то рассказало о совершенном

им преступлении; если имелся очевидец преступления (ст. 6 Краткого изображения процессов или судебных тяжб) [42].

В последующих нормативных актах также устанавливается необходимость формулирования подозрения для создания статуса подозреваемого. Так, 1 января 1832 г. вступил в законную силу Свод законов Российской империи [45], согласно которому именно подозрение позволяет задержать лицо.

Подозрение в совершении преступления становится основанием для задержания заподозренного и доставления его в полицию с целью допроса и исследования обстоятельств дела. Суд мог выносить три вида приговора: обвинительный, оправдательный и оставление в подозрении» [48, с. 75].

Что касается оставления в подозрении, то в соответствии со ст. 344 Свода законов Российской империи, данный вид приговора можно было наблюдать: «если против подсудимого, при недостатке полного доказательства, есть, однако же, некоторые улики, то в зависимости от важности обвинения и улик суд может:

- оставлять его просто в подозрении, более или менее сильном;
- отдавать его под надежное поручительство в хорошем впредь поведении, не освобождая его, однако, вовсе от подозрения, ибо впоследствии времени могут открыться против его новые улики, по коим поручители должны быть обязаны предоставить его к суду;
- давать ему присягу» [14, с. 90].

В начале 1860 г. вступили в силу «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок, и Наказ судебным следователям, которые, по существу, законодательно поддерживают концепцию использования задержания как способа создания подозреваемого. В соответствии со ст. 15 Наказа полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок, полиция имела право задерживать подозреваемых в совершении преступлений, за которые предусматривалось

лишение всех прав состояния или потеря всех личных привилегий, при наличии следующих оснований:

- преступник захвачен на месте и во время совершения преступления;
- преступление совершено явно и гласно;
- очевидцы преступления прямо укажут на лицо, совершившее преступление;
- на подозреваемом или в его жилище найдены будут очевидные следы преступления или вещественные доказательства;
- заподозренный сделал покушение на побег или был пойман после побега» [48, с. 76].

Таким образом, подозреваемым был тот человек, который был задержан в связи с наличием оснований считать его причастным у деянию.

В период нахождения у власти императора Александра II, был принят Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее -УУС). Непосредственно в нем «были заложены основные принципы, понятия, институты и нормы, многие из которых, развиваясь и совершенствуясь в дальнейшем, не потеряли своего теоретического и практического значения в наши дни.

При этом УУС не содержал принципиальных различий между процессуальным статусом подозреваемого и обвиняемого. Эта грань была условной. Наглядным примером служат положения ст. 407 УУС, в соответствии с которой каждый обвиняемый допрашивается порознь, с принятием меры, чтобы подозреваемые в одном и том же преступлении не могли иметь стачки между собой» [32].

Вышеуказанные различия официально были закреплены позднее, посредством определения от 23 марта 1898 г., вынесенного Высшим дисциплинарным присутствием Сената. В частности, было указано, что «не только приводу, но даже и призыву лиц, на которых падает подозрение в совершении преступного деяния, должен предшествовать судопроизводственный акт, коим означенное лицо по обстоятельствам дела

признается обвиняемым, а именно: постановление судебного следователя о привлечении этого лица в качестве обвиняемого» [29, с. 386].

Будучи субъектом «уголовного судопроизводства, подозреваемый появлялся при производстве по уголовным делам, по которым предварительное следствие являлось обязательным. Когда судебный следователь не мог немедленно приступить к следствию, на полицию в соответствии со ст. 257 УУС возлагалась обязанность произвести неотложные следственные действия и применить меры пресечения (домашний арест, взятие под стражу, залог, отдача на поруки, отдача под особый надзор полиции, отобрание вида на жительство или обязательство подпискою о явке и неотлучке с места жительства)» [32].

Использование мер пресечения допускалось при наличии оснований, регламентированных в ст. 257 УУС. В частности:

- «когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения;
- когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо;
- когда на подозреваемом или в его жилище найдены будут явные следы преступления;
- когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем;
- когда он сделал покушение на побег или пойман во время или после побега;
- когда подозреваемый не имеет постоянного жительства или оседлости» [55].

Стоит отметить, что «УУС в отношении несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых в возрасте от 10 до 17 лет знал ряд мер пресечения, заменяющих лишение их свободы. К таковым относились: содержание их в исправительных колониях или приютах, в детских приютах, монастырях, у родителей или иных лиц под ответственный присмотр

(ст. 416.1, ст. 416.2 УУС). Указанные меры свидетельствуют о продуманности законодательства в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Гуманность по отношению к ним выражалась в изоляции от взрослых преступных элементов, служила превентивной мерой по предупреждению совершения преступлений в будущем. Особое отношение к несовершеннолетним не только создавало льготные условия содержания до разрешения уголовного дела, но и воздействовало посредством обязанности трудиться, что само по себе уже являлось и мерой наказания, и мерой предупреждения, и мерой воспитания.

Таким образом, меры пресечения применялись только при наличии оснований подозрения лица в совершении преступления, прямо предусмотренных в законе. Задержание проводилось с целью воспрепятствования подозреваемому уклониться от следствия» [32].

Между тем, различия обвиняемого и подозреваемого были установлены определением от 23 марта 1898 г., принятым Высшим дисциплинарным присутствием Сената. Так, было предусмотрено, что «не только приводу, но даже и призыву лиц, на которых падает подозрение в совершении преступного деяния, должен предшествовать судопроизводственный акт, коим означенное лицо по обстоятельствам дела признается обвиняемым, а именно: постановление судебного следователя о привлечении этого лица в качестве обвиняемого» [21].

Как известно, в 1917 году произошла революция, изменился социально-политический строй нашей страны России, и, что немаловажно, общественный менталитет также подвергся трансформации. Как указывает М.В. Парфенова, «классовая сущность советского уголовного процесса отрицала принципы неприкосновенности и защиты частных интересов. В данный период интересы государства были приоритетными по сравнению с интересами личности. Тем не менее, указанное правило было воспринято советским УПЗ в начальный период его создания. УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. предусматривали возможность задержания органами дознания лица, подозреваемого в

совершении преступления, подлежащего производству предварительного следствия при наличии соответствующих оснований.

В середине 30-х гг. появились печатные бланки допроса в качестве подозреваемого и обвиняемого с предупреждением об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Практика допроса лиц в качестве подозреваемых и обвиняемых получила широкое применение и постепенно с дознания она распространилась на предварительное следствие. В это же время возникло негласное правило о том, что каждый обвиняемый должен сначала быть допрошен в качестве подозреваемого [26, с. 121].

Однако и в то время процессуальный статус данных лиц был поводом для широкой дискуссии. Некоторые процессуалисты высказывали точку зрения, в соответствии с которой «подозреваемый» в уголовном процессе не нужен, а допросы лиц в качестве подозреваемых недопустимы» [32].

Е.В. Сопнева отмечает, что при исследовании норм УПК РСФСР 1923 г. регламентация определения и сути подозрения не обнаруживается [48, с. 76]. В то же время в «ст. 100 УПК РСФСР 1923 г., находим упоминание подозреваемого применительно к задержанию. Цель задержания заключалась в предупреждении уклонения подозреваемого от следствия и суда. Согласно ст. 145 УПК РСФСР 1923 г. мера пресечения в отношении подозреваемого избиралась до предъявления обвинения.

Статья 102 УПК РСФСР 1923 г. с изменениями и дополнениями от 16.10.1924 наделила орган дознания и следователя правом избрания мер пресечения в зависимости от результатов допроса подозреваемого. При этом допрос лица в качестве подозреваемого как при производстве дознания, так и предварительного следствия, на практике из исключения превратился в норму. Стало обычным то, что сначала лицо допрашивалось как подозреваемый, а затем - при подтверждении подозрения - привлекалось и допрашивалось уже в качестве обвиняемого» [48, с. 76].

Летом 1937 г. Генеральным прокурором СССР был принят Циркуляр «О повышении качества расследования», в связи с которым категория «подозреваемый» оказалась выведена из уголовного процесса. Можно сказать, что проблема процессуального статуса рассматриваемого субъекта была решена весьма просто: посредством его упразднения.

Представители доктрины того периода также пытались выявить способы решения проблем статуса такого лица. К данному вопросу были различные подходы. В частности, Е.О. Житковым предлагалось принуждать субъектов, заподозренных в совершении деяния, к даче показаний по делу без наделения их конкретным процессуальным статусом [12, с. 16], или исходя из правил, применяемых к свидетелям, проводить их допрос.

До того, как были введены в действие Основы уголовного судопроизводства 1958 г., представители доктрины стали уделять повышенное внимание рассматриваемым субъектам процесса и их статусу. Подходы теоретиков разнились: от введения запрета на наделение лица статусом подозреваемого [41, с. 12], до его узаконивания посредством каких-либо процессуальных действий, например, применения мер пресечения, возбуждения дела в отношении определенного субъекта, задержания).

По мнению М.С. Строговича, подозреваем необходимо считать того, кто оказался задержан, либо к кому применена любая мера пресечения [49, с. 118].

Другой автор подозреваемым признавала «лицо, по поводу действий которого производится расследование до предъявления ему обвинения в связи с недостаточностью собранных по делу доказательств» [19]. При этом указывалось, что постановление о возбуждении дела в отношении конкретного субъекта, следует считать процессуальным актом, в связи с которым возникает статус подозреваемого.

Также существовала позиция о нецелесообразности принятия специального акта о признании подозреваемым, и необходимости беспрепятственного допроса подобного субъекта как подозреваемого, если

существует информация, явно указывающая на реализацию им уголовно-наказуемого деяния [2, с. 21].

Введение в действие «Основ уголовного судопроизводства 1958 г. повлекло легализацию статуса подозреваемого путем применения задержания и меры пресечения. Статьи 32 и 33 устанавливали, что подозреваемым является лицо: задержанное по подозрению в совершении преступления; при избрании в отношении лица меры пресечения до предъявления обвинения.

Следующий источник - Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР - был введен в действие с 1 января 1961 г. и применялся до 1 июля 2002 г.» [48, с. 77].

Третья глава вышеобозначенного правового акта именовалась как «Участники процесса, их права и обязанности». В ст. 52 УПК РСФСР регламентировалось, что «подозреваемым признается: лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления; лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения» [51]. Основным правом подозреваемого было право на осведомленность о том, в совершении какого деяния он подозревается.

В конце 1989 г. введены в действие «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве. В ч. 1 ст. 14 этого законодательного акта было установлено, что подозреваемый имеет право обеспечивать свою защиту путем участия защитника с момента задержания, ареста или предъявления обвинения.

В 1995 г. был принят Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», который значительно расширил права подозреваемого, заключенного под стражу.

Федеральным законом от 20 марта 2001 г. было расширено понятие подозреваемого, к которому было отнесено лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело.

Итак, на момент окончания действия Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР устанавливал, что подозреваемый - это лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления; лицо, к которому применена мера

пресечения до предъявления обвинения; лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело» [48, с. 77].

Таким образом, исследование эволюции статуса подозреваемого в отечественном уголовном процессе, на наш взгляд, способствует выделению ряда основных периодов развития. В начальный период (1715-1860 годы) основание появления такого процессуального участника в деле связывалось с формулировкой подозрения. В последующий период (1860-1922 годы) подозреваемый вовлекался в процесс посредством совершения в отношении него процессуального действия. Третий период (1922-1937 годы) выделяется тем, что хотя понятие «подозреваемый» применялось на практике, его нормативной регламентации не предусматривалось. В четвертый период процессуальная фигура подозреваемого вовсе была упразднена (1937-1958 годы). Наконец, последний период, по нашему мнению, начинается с 1958 года, когда соответствующий процессуальный статус лицо стало получать в зависимости от совершения в отношении него определенных процессуальных действий.

Современный этап развития правового положения подозреваемого характеризуется тем, что повышенное внимание законодателя уделено соблюдению прав таких субъектов. Безусловно, лицо, чья вина в совершении преступного деяния еще не доказана, не должно подвергаться чрезмерному ущемлению прав и свобод.

1.3 Основания признания лица подозреваемым

В уголовно-процессуальной доктрине весьма распространены дискуссии по поводу дефиниции такого участника процесса, как подозреваемый. Действующее законодательство относит данного субъекта к участникам со стороны защиты. Как правило, наделение лица соответствующим процессуальным статусом ученые обуславливают

существованием правовых оснований - процессуальных актов, которые регламентированы законом.

Как указывает один из авторов, вынесение процессуального акта служит условием, требующимся для зарождения, изменения и завершения процессуальных отношений [27, с. 196]. Исходя из этого можно заключить, что в отсутствие процессуального акта компетентного субъекта правоприменения, подозреваемый не способен стать субъектом уголовно-процессуального отношения, обладателем установленных в законе правомочий и обязанностей. Однако, в отечественном уголовно-процессуальном законе регламентирован не весь комплекс процессуальных актов, касающихся прав и свобод личности.

Согласно ч. 1 ст. 46 УПК РФ, подозреваемым будет признан гражданин:

- «либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 настоящего Кодекса;
- либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 настоящего Кодекса;
- либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 настоящего Кодекса;
- либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 настоящего Кодекса» [54].

Как мы можем увидеть, большинство таких оснований обладают связью с процессуальными аспектами:

- с оформлением протокола задержания;
- с принятием постановления о возбуждении дела в отношении определенного гражданина;
- с принятием акта о применении меры пресечения.

Однако, последнему основанию характерна некоторая специфика. Оно возникает не с момента оформления соответствующего уведомления, после

вручения последнего. Стоит отметить, что рассматриваемое основание - уведомление, как процессуальный акт дознавателя, введен в 2007 году.

Напомним, что еще в 2000 г. Конституционный Суд РФ отметил, что «поскольку конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом, то применительно к его обеспечению понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР более узком смысле. В целях реализации названного конституционного права необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и другие) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрения против него» [37].

Соответствующую позицию также содержит Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [31].

Между тем, требования к дефиниции рассматриваемого участника процесса так и не отражены в уголовно-процессуальном законе, в связи с чем стоит констатировать, что в отношении термина «подозреваемый» применен узкий, формально-правовой смысл. Думается, что следует согласиться с П.А. Смирновым и О.А. Зайцевым, указывающими, что в рамках процессуальных актов выражение подозрения «неспособно охватить собой все случаи, когда затрагиваются интересы заподозренного лица. Последнее будет возможным, по нашему мнению, когда "субъективная точка зрения"

проверяется путем принятия мер по непосредственному вовлечению лица в уголовно-процессуальную деятельность» [13, с. 60].

Другие авторы также утверждали о потребности уточнения возникновения у субъекта статуса подозреваемого, полагая что «лицо приобретает статус подозреваемого не только при возбуждении в отношении его уголовного дела, но и тогда, когда в целях его изобличения к нему применены иные меры процессуального принуждения, предусмотренные ст. ст. 111-118 УПК РФ, или его права и свободы затронуты действиями, связанными с его уголовным преследованием» [28, с. 159].

На наш взгляд, в отношении ряда субъектов, не имеющих статуса подозреваемого по уголовному делу, законодатель в некоторых статьях УПК РФ необоснованно применяет категорию «подозреваемый». На тот факт, что субъектов, участвующих в уголовном процессе, и не признанных в установленном порядке подозреваемыми, законодатель порой именует таковыми, обращают внимание и в теории. Так, один из ученых указывал, что «при этом в самом определении подозреваемого соответствующие признаки отсутствуют, что означает наличие ошибки «слишком узкого определения», которая возникает при нарушении правила соразмерности определения» [16, с. 174].

Одни авторы указывают на материальные [6, с. 9], а другие – на фактические основания [15, с. 187], выступающие в качестве доказательств, посредством которых подтверждается подозрение лица в реализации уголовно-наказуемого деяния. По их мнению, эти доказательства обязывают компетентного субъекта принять обоснованное постановление, направленное на наделение лица процессуальным статусом подозреваемого.

По мнению одного из ученых, если в отношении гражданина следователь (дознаватель) выдвинул и зафиксировал в соответствующих процессуальных актах мотивированное предположение о реализации им уголовно-наказуемого деяния, и осуществил конкретные действия по его

изобличению, то такого гражданина необходимо рассматривать подозреваемым [23, с. 103].

Другой теоретик утверждал, что «пока подозрение является только субъективной точкой зрения следователя, не нашедшей выражения в соответствующем процессуальном документе, и не затрагивает интересов "заподозренного" лица, нельзя ставить вопрос о наделении последнего определенными процессуальными правами» [18, с. 9].

Авторы отмечают, что «подозрение - это основанное на достаточных данных предположение о причастности лица к совершению деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством» [10, с. 20].

Таким образом, в доктрине особо отмечается наличие доказательств, указывающих на участие субъекта в уголовно-наказуемом посягательстве. В то же время на практике к моменту подозрения зачастую отсутствует целостный набор доказательств, посредством которых можно подтвердить причастность гражданина к реализации криминального деяния, в особенности после поступления и фиксации сообщения о нем, указывающего на начало судопроизводства в общем. Как свидетельствует практика, до возбуждения дела подозрение может распространяться и на субъект, реализовавший деяние, и на того, кто к нему не причастен. Любой из данных граждан может быть фактически подвергнут задержанию либо подозреваться с составлением протокола о задержании. По поводу периода задержания, равного 48 часам, следует помнить, что он начинает отсчитываться с момента фактического задержания (ч. 3 ст. 128 УПК РФ). При введении военного положения, данный период не может составлять более 30 суток, если деяние относится к категории особо тяжких либо тяжких.

Процессуальное положение рассматриваемых участников процесса сопряжены с компетенцией защитника. Согласно ст. 49 УПК РФ с фактического задержания подозреваемого в дело допускается защитник, иначе говоря, это происходит с момента лишения лица возможности свободно

передвигаться. Как условия использования данного правила законодатель указал случаи, когда компетентный субъект составит протокол задержания согласно ст. 91 и ст. 92 УПК РФ, либо будет вынесено постановление суда об избрании заключения под стражу.

Когда уголовное дело возбуждено, вступление защитника после начала реализации других процессуальных действий либо других мер принуждения, ограничивающих права подозреваемого субъекта, предусмотрено в п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

В 2013 году указанную статью введен п. 6, где установлено, что защитник допускается в дело «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ» [54].

Следует обратить внимание, что данный пункт предусматривает допуск защитника к тому субъекту, что «заподозрен» в реализации уголовно-наказуемого акта. Это происходит на стадии анализа сообщения о предполагаемом посягательстве, т. е. когда уголовное дело еще не возбуждено. Таким образом, данная норма не вписывается в ч. 3 ст. 49 УПК РФ, поскольку в последней отражены случаи, когда в возбужденном уголовном деле участвует защитник.

Можно сказать, что дополнения, внесенные законодателем в ст. 49 и ст. 144 УПК РФ, указывают на вероятность наделения лица статусом подозреваемого до того момента, когда дело будет возбуждено. Это происходит, если материал проверки состоит в производстве сотрудника компетентного органа.

Исходя из этого, защитник обязан предоставить правовую поддержку субъекту, если по последнему в порядке, регламентированном ст. 144 УПК РФ, осуществляется проверка сообщения об уголовно-наказуемом деянии. Обязанность возникает сразу после реализации процессуальных действий,

касающихся свобод и прав лица, включая фактическое задержание (утрату возможности свободного перемещения).

Полагаем, что весьма интересен подход теоретика, увязывающего момент наделения субъекта статусом подозреваемого «непосредственно с фактом любого вовлечения его в сферу уголовно-процессуальной деятельности соответствующих правоохранительных органов, направленной на проверку предположения о причастности такого лица к содержащему признаки преступления деянию (до выдвижения обвинения)» [9, с. 154].

Следует также согласиться с авторами о том, что «на лицо, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении, должны распространяться гарантии подозреваемого» [58, с. 117].

Привлекает внимание предложение, касающееся необходимости дополнения списка субъектов уголовного процесса тем лицом, которое подверглось задержанию до возбуждения дела для уяснения обстоятельств. Автор полагает, что его статус было бы возможно регламентировать в 46.1 УПК РФ [50, с. 16].

Таким образом, начало вовлечения в область уголовно-процессуальных отношений субъекта, попавшего под подозрение, связывается и с моментом его реального задержания, и с осуществлением различных процессуальных действий, пересекающихся со свободами и правами лица, нацеленных на получение доказательств.

В целях защиты граждан от неправомерного уголовного преследования, от излишнего ограничения их прав и законных интересов, от злоупотреблений со стороны властных должностных лиц, целесообразно для ч. 1 ст. 46 УПК РФ предусмотреть новую редакцию. Кроме того, в ст. 49 необходимо упразднить норму ч. 4. Таким образом, в ч. 1 ст. 46 УПК РФ следует установить, что в качестве подозреваемого рассматривается гражданин:

- если в порядке, и исходя из оснований, закрепленных в гл. 29 УПК РФ, в отношении него принято постановление о возбуждении дела;

- задержанный в рассмотрении сообщения о криминальном деянии после составления протокола какого-либо, ограничивающего его права, процессуального действия;
- если согласно нормам статей 91 и 92 УПК РФ в отношении него составлен протокол задержания;
- задержанный в рассмотрении сообщения о криминальном деянии после составления протокола задержания;
- если в отношении него принято постановление о назначении до предъявления обвинения меры пресечения.

Правило о том, что адвокат не имеет права отказаться от возложенных функций, связанных с защитой подозреваемого, предусмотренное ч. 7 ст. 49 УПК РФ, начнет действовать после реализации в отношении лица любых, направленных на ограничение его прав, процессуальных действий.

Таким образом, по итогам первой главы исследования мы сделали ряд выводов.

Подозреваемым является человек, подвергаемый уголовному преследованию, в отношении которого для проверки на участие в преступлении вынесено соответствующее процессуальное решение, а также, при необходимости, использованы уголовно-процессуальные принудительные меры. Стоит учитывать, что уголовное преследование реализуется в регламентированном порядке в случае существования соответствующих оснований. При этом, как правило, следствие не располагает совокупностью доказательств, необходимой в целях предъявления лицу обвинения.

Исследование эволюции статуса подозреваемого в отечественном уголовном процессе, на наш взгляд, способствует выделению пяти основных периодов развития. Последний из них, по нашему мнению, начинается с 1958 года, когда соответствующий процессуальный статус лицо стало получать в зависимости от совершения в отношении него определенных процессуальных действий. Современный этап развития правового положения

подозреваемого характеризуется тем, что повышенное внимание законодателя уделено соблюдению прав таких субъектов. Безусловно, лицо, чья вина в совершении преступного деяния еще не доказана, не должно подвергаться чрезмерному ущемлению прав и свобод.

В доктрине особо отмечается наличие доказательств, указывающих на участие субъекта в уголовно-наказуемом посягательстве. В то же время на практике к моменту подозрения зачастую отсутствует целостный набор доказательств, посредством которых можно подтвердить причастность гражданина к реализации криминального деяния, в особенности после поступления и фиксации сообщения о нем, указывающего на начало судопроизводства в общем. Как свидетельствует практика, до возбуждения дела подозрение может распространяться и на субъект, реализовавший деяние, и на того, кто к нему не причастен. Любой из данных граждан может быть фактически подвергнут задержанию либо подозреваться с составлением протокола о задержании.

В настоящее время признание человека подозреваемым происходит в соответствии со ст. 46 УПК РФ. Однако, как мы установили, нормы данной статьи нуждаются в вышеперечисленных корректировках.

Глава 2 Содержание статуса подозреваемого и проблемы обеспечения его прав

1.1 Права и обязанности подозреваемого в уголовном процессе

В рамках ч. 4 ст. 46 УПК РФ перечисляются правомочия подозреваемого, однако, в данной норме отражен далеко не весь объем прав соответствующего субъекта уголовного процесса. Исследование УПК РФ позволяет констатировать, что набор процессуальных правомочий у подозреваемого намного объемнее, чем это отражено в ст. 46 УПК РФ. Между тем, в ст. 11 УПК РФ предусмотрено обязательное разъяснение данному субъекту всех его прав. Исходя из положений УПК РФ полагаем, что все права подозреваемого целесообразно распределить на пять категорий. В настоящем параграфе рассмотрим все правомочия, составляющие каждую из таких категорий.

В первую очередь, необходимо отметить те права, которые в том числе принадлежат и иным субъектам уголовного судопроизводства. Данную категорию составляют следующие правомочия:

- «знать свои права, обязанности и ответственность (ч. 1 ст. 11 УПК РФ);
- делать заявления, давать показания и (или) объяснения, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с процессуальными документами, выступать в судебном заседании на своем родном языке или другом языке, которым он владеет (ч. 2 ст. 18 УПК РФ);
- пользоваться помощью переводчика бесплатно (п. 7 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);
- представлять письменные документы и (или) предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (п. 4 ч. 4 ст. 46 ч. 2 ст. 86 УПК РФ);
- заявлять ходатайства (п. 5 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);

- заявлять отводы (п. 5 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);
- не подвергаться унижению чести, человеческого достоинства и (или) опасности для жизни, а также здоровья (ч. 1 ст. 9 УПК РФ);
- не подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению (ч. 2 ст. 9 УПК РФ);
- приносить жалобы на действия (бездействие) и (или) решения следователя (дознателя и др.), прокурора, суда (судьи) (п. 10 ч. 4 ст. 46 УПК РФ)» [1].

Следующую категорию составляют права подозреваемого, выступающего субъектом следственного действия, которые, в свою очередь, можно также подразделить на две группы. Первая группа касается общих правомочий субъектов следственного действия. В нее входит право:

- «знать цель и порядок производства следственного действия, в котором он участвует;
- быть уведомленным о применении при производстве следственного действия технических средств (ч. 5 ст. 166 УПК РФ);
- с разрешения следователя (дознателя и др.) задавать вопросы участнику следственного действия, в котором он принимает участие;
- знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, а также подавать на них замечания (п. 8 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);
- требовать внесения в протокол следственного действия уточнений;
- требовать дополнения протокола следственного действия;
- удостоверить правильность записи показаний и всего содержания протокола следственного действия, в котором он принимал участие;
- отказаться подписать протокол следственного действия (ч. 1 ст. 167 УПК РФ);

- дать объяснение причин отказа подписать протокол следственного действия, которое заносится в данный протокол (ч. 2 ст. 167 УПК РФ)» [1].

Во вторую группу можно отнести права, которыми отдельно наделяется подозреваемый, подвергаемый допросу, а именно:

- «явиться на допрос с защитником;
- не сообщать никаких сведений против самого себя, своего супруга (своей супруги) и (или) кого-либо из близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ;
- пользоваться письменными заметками (документами, записями), когда им сообщаются данные, которые трудно удержать в памяти;
- читать документы, относящиеся к его показаниям;
- изготовлять в ходе допроса схемы, чертежи, рисунки, диаграммы, которые приобщаются к протоколу (ст. 76, ч. 5 ст. 190 УПК РФ);
- отдыхать один час после допроса продолжительностью четыре часа (ст. 76, ч. 2 ст. 187 УПК РФ);
- не подвергаться в течение дня допросу общей продолжительностью более 8 часов (ст. 76, ч. 3 ст. 187 УПК РФ);
- подписать каждую страницу протокола допроса (очной ставки)» [1].

Следующий набор правомочий принадлежит подозреваемому, выступающему в качестве стороны процесса. Его составляют следующие права:

- «собирать письменные документы и (или) предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ);
- участвовать с разрешения следователя (дознателя и др.) в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника и (или) законного представителя (п. 9 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);

- участвовать в рассмотрении судом своей или непосредственно затрагивающей его интересы жалобы на действие (бездействие, решение) следователя (дознателя и др.) (ч. 3 ст. 125 УПК РФ)» [1].

В четвертую категорию, по нашему мнению, можно отнести права рассматриваемого субъекта, совпадающие с правомочиями обвиняемого. Эту категорию можно также разделить на группы. Одна из групп включает общие права подозреваемого и обвиняемого, а именно:

- «защищать свои права;
- пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных УПК РФ (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);
- в случае своего несовершеннолетия или душевного заболевания иметь законного представителя;
- возражать против прекращения уголовного преследования по основаниям, указанным в п. 3 (истечение сроков давности уголовного преследования) и п. 6 (отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. п. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. п. 1 и 3-5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ) ч. 1 ст. 24, ст. ст. 25 (в связи с примирением сторон), 25.1 (в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа), 28 (в связи с деятельным раскаянием) и 28.1 (в связи с возмещением ущерба) УПК РФ, а также п. 3 (вследствие акта об амнистии) и п. 6 (отказ Государственной Думы Федерального Собрания РФ в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица) ч. 1 ст. 27 УПК РФ (ч. 2 ст. 27 УПК РФ);

- на государственную защиту в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1].

Еще одна группа связана с правами, важными в случае осуществления судебной экспертизы. В этом случае подозреваемый вправе:

- «знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;
- заявлять отвод эксперту и (или) ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;
- ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;
- ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту;
- ставить вопросы эксперту;
- присутствовать с разрешения следователя (дознавателя и других) при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту;
- знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта (ч. 1 ст. 198 УПК РФ);
- ходатайствовать о назначении дополнительной либо повторной судебной экспертизы (ч. 1 ст. 206 УПК РФ)» [1].

Третья группа прав связана с применением к подозреваемому заключения под стражу (в качестве меры пресечения). В этом случае подозреваемый вправе:

- «участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении его меры пресечения (ч. 4 ст. 108 УПК РФ);
- участвовать при рассмотрении судьей его жалобы или жалобы, непосредственно затрагивающей его интересы;

- иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, без большего, чем предусмотрено в ч. 4 ст. 92 УПК РФ, ограничения их числа и продолжительности, в том числе до первого допроса подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), а по разрешению следователя (дознателя и др.) с родственниками и иными лицами;
- с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого в сфере предпринимательской деятельности (п. 3.1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);
- требовать от следователя (дознателя и др.) принятия мер по передаче на попечение его близких родственников, родственников или других лиц (помещению в соответствующие детские или социальные учреждения) оставшихся без присмотра и помощи несовершеннолетних детей, других иждивенцев, а также престарелых родителей, нуждающиеся в постороннем уходе (ч. 1 ст. 160 УПК РФ);
- требовать от следователя (дознателя и других) принятия мер по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого (ч. 2 ст. 160 УПК РФ);
- хранить при себе документы и записи, относящиеся к уголовному делу либо касающиеся вопросов реализации своих прав и (или) законных интересов, за исключением тех документов и (или) записей, которые могут быть использованы в противоправных целях или которые содержат сведения, составляющие государственную и (или) иную охраняемую законом тайну;
- на личную безопасность в местах содержания под стражей;
- на вежливое обращение со стороны сотрудников мест содержания под стражей;

- получать информацию о режиме содержания под стражей, дисциплинарных требованиях, порядке подачи предложений, заявлений и (или) жалоб;
- обращаться с просьбой о личном приеме к начальнику места содержания под стражей и (или) лицам, контролирующим деятельность места содержания под стражей, во время нахождения указанных лиц на его территории;
- вести переписку и пользоваться письменными принадлежностями;
- пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа;
- на восьмичасовой сон в ночное время, в течение которого запрещается привлечение его к участию в процессуальных и (или) иных действиях, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ;
- пользоваться собственными постельными принадлежностями, а также другими вещами и (или) предметами, перечень и количество которых определяются Правилами внутреннего распорядка в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- получать бесплатное питание, материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение, в том числе в период участия их в следственных действиях и судебных заседаниях;
- пользоваться литературой, изданиями периодической печати из библиотеки места содержания под стражей и (или) приобретенными через администрацию места содержания под стражей в торговой сети, а также настольными играми;
- отправлять религиозные обряды в помещениях места содержания под стражей подозреваемых, иметь при себе религиозную литературу, предметы религиозного культа - при условии

соблюдения Правил внутреннего распорядка и прав других подозреваемых и обвиняемых;

- заниматься самообразованием и пользоваться для этого специальной литературой» [1].

Следует выделить группу правомочий подозреваемых, помещенных в следственные изоляторы. В нее входят такие права, как:

- «получать и (или) отправлять денежные переводы;
- заключать и (или) расторгать брак, участвовать в иных семейно-правовых отношениях в случае, если это не противоречит закону;
- приобретать продукты питания и (или) предметы первой необходимости в магазине (ларьке) следственного изолятора (тюрьмы), а также через администрацию места содержания под стражей в торговой сети;
- подписываться на газеты и (или) журналы, а равно получать их;
- получать от администрации при необходимости одежду по сезону, разрешенную к ношению в местах содержания под стражей;
- на платные телефонные разговоры при наличии технических возможностей и под контролем администрации с разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда;
- при наличии соответствующих условий иметь возможность трудиться (ст. 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»)» [1].

Последняя, пятая категория прав подозреваемого, составлена теми правомочиями, что являются специальными для данных субъектов, а именно:

- «знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, копию протокола задержания, а также копию постановления об избрании (изменении, отмене) в отношении его меры пресечения;

- давать объяснения (показания) по поводу имеющегося в отношении его подозрения, а также отказаться от дачи объяснений (показаний);
- иные права» [1].

Как известно, помимо прав, на каждого субъекта процесса возлагается комплекс обязанностей. Если рассматривать основные из них, то они сводятся к тому, что подозреваемому надлежит:

- «явиться к следователю (дознавателю и другим), в суд в назначенный срок либо заранее уведомить о причинах неявки;
- надлежащим образом вести себя в соответствии с характером примененной меры пресечения;
- в случае заключения его под стражу соблюдать порядок в местах заключения, а также выполнять законные требования администрации.

Подозреваемый также обязан подчиниться решению об освидетельствовании (ст. 179 УПК РФ), личном обыске (ст. 184 УПК РФ), получении образцов для сравнительного исследования (ч. 3 ст. 202 УПК РФ), помещении в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (ст. 203 УПК РФ), а также выполнять иные обязанности.

За неисполнение обязанностей подозреваемый может быть привлечен к уголовно-процессуальной ответственности. В соответствии с ч. 1 ст. 111 УПК РФ в целях обеспечения установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства, надлежащего исполнения приговора следователь (дознаватель и др.) или суд вправе применить к подозреваемому следующие меры процессуального принуждения:

- обязательство о явке;
- привод;
- временное отстранение от должности;

– наложение ареста на имущество» [1].

Комплекс прав подозреваемого, регламентированный в ч. 4 ст. 46 УПК РФ видится весьма значимым в первую очередь для того, чтобы подозреваемый имел возможность защиты. Без этого не будет соблюден важнейший для уголовного судопроизводства принцип состязательности. Большую роль играет право на помощь защитника и конфиденциальную встречу с ним до проведения первого допроса. Соответствующее правомочие появляется с момента возбуждения дела в отношении отдельного субъекта, либо с момента фактического задержания. В этом случае задержанием является как мера уголовно-процессуального принуждения, используемая согласно статьям 91 и 92 УПК РФ, так фактический захват человека при использовании в отношении него заключения под стражу. Стоит отметить, что в п. 9 ч. 4 ст. 46 УПК Федеральным законом от 08.08.2024 № 267-ФЗ внесены дополнения, согласно которым «свидания обвиняемого, содержащегося под стражей в следственном изоляторе, с защитником могут проводиться по заявлению обвиняемого с согласия защитника путем использования систем видео-конференц-связи при наличии технической возможности и соответствующих помещений, а также при условии соблюдения конфиденциальности таких свиданий и сохранения адвокатской тайны» [57].

Рассчитывать на помощь защитника может также лицо, обретающее статус подозреваемого в связи с использованием иной меры пресечения до предъявления обвинения, что следует из п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ. Таким образом, право на помощь со стороны защитника – важнейший элемент процессуального положения подозреваемого, оно появляется в тот же момент, когда в процессе появляется сам подозреваемый.

2.2 Проблемы обеспечения прав и законных интересов подозреваемого

Важные изменения в сфере обеспечения защиты прав и свобод субъектов, вовлеченных в уголовное судопроизводство, можно признать особенностью, характерной для нынешнего этапа развития отечественного законодательства.

В ст. 48 Конституции РФ закреплено, что «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» [22].

Таким образом, исследование проблем процессуального положения подозреваемого в РФ, а равно обеспечения его прав, необходимо в целях выявления путей устранения данных проблем.

Авторы справедливо подчеркивают, что «в жизни иногда случаются непредвиденные ситуации, когда законопослушный человек попадает в сложные обстоятельства, связанные с обвинением, подозрением в совершении преступления. Под подозрение может попасть как лицо, совершившее преступление, так и лицо, не совершившее преступление.

Подозрение - это основанное на достаточных данных предположение о причастности лица к совершению деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

Подозреваемый выступает временным и не обязательным участником уголовного процесса и появляется только в стадии предварительного расследования. Для появления в уголовном процессе подозреваемого необходимо наличие доказательств, указывающих на причастность данного лица к совершению преступления, и соответствующих процессуальных актов.

Основной целью задержания считается выяснение причастности лица к совершению преступления. Другими, как принято считать сопутствующими,

целями является: пресечение преступной деятельности; установление личности подозреваемого; решение вопроса о заключении под стражу; недопущение воспрепятствования лицом предварительному расследованию, предотвращение сокрытия или уничтожения доказательств, побега лица.

Право подозреваемого на защиту и обязанность должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, обеспечить реализацию этого права, является инструментом, призванным компенсировать фактическое неравенство участников со стороны обвинения, наделенных властными полномочиями, и участников уголовного процесса, обладающих процессуальным статусом подозреваемого. Наиболее остро такое неравенство проявляется в стадии предварительного расследования» [44, с. 8].

Э.М. Аскерова указывает, что «законодатель четко закрепил в УПК РФ общие правила производства досудебной стадии, неуклонное соблюдение которых приведет к обеспечению в максимально полном объеме прав личности. Однако на практике гарантированные законодателем права подозреваемого из года в год подвергаются нарушениям со стороны должностных лиц, в том числе на стадии досудебного расследования.

Несмотря на принимаемые прокурорами меры, направленные на обеспечение защиты гарантированных Конституцией Российской Федерации прав граждан, по-прежнему в досудебном производстве имеется ряд проблем, требующих эффективного, своевременного и комплексного решения» [3, с. 122].

Распространенным нарушением прав человека на неприкосновенность и свободу при расследовании криминальных деяний, следует признать необоснованное использование мер принуждения. Эта проблема до сих пор существует, хотя в последнее время имеется позитивная тенденция, связанная с уменьшением числа граждан, которые в итоге освобождаются, поскольку изначально не имелось правомерных оснований для применения к ним меры, сопряженной с изоляцией от социума.

Как следует из ст. 96 УПК РФ, «подозреваемый в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю имеет право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, о чем делается отметка в протоколе задержания. В случае отказа подозреваемого от права на телефонный разговор или невозможности в силу его физических или психических недостатков самостоятельно осуществлять указанное право такое уведомление производится дознавателем, следователем, о чем также делается отметка в протоколе задержания» [54].

В настоящее время правозащитники нередко указывают на несоблюдение данного уголовно-процессуального положения. Близкие люди оказываются не осведомлены по поводу нахождения гражданина, задержанного сотрудниками правопорядка. В связи с этим, они вынуждены обращаться в подразделение полиции, указывая на пропажу родственника.

Кроме того, на запрос правозащитников о факте задержания гражданина порой также не поступает достоверного ответа. Нередко это связано с ненадлежащим соблюдением регистрационного порядка в органах внутренних дел, когда в действительности гражданин помещен под арест, однако, в книге учета граждан, находящихся в подразделении полиции, сведения о нем не отражены. Согласно Приказу МВД России от 30.04.2012 № 389, «в книгу заносятся сведения о лицах, доставленных должностными лицами, осуществившими доставку в дежурную часть, независимо от вида и степени общественной опасности правонарушения, срока их пребывания в территориальном органе МВД России и принятого в отношении их решения» [40].

Также в этот период может быть осуществлен допрос человека, и при этом последний окажется не оповещен о своем праве на приглашение защитника, что также следует признать существенной проблемой соблюдения прав в рамках досудебного этапа.

Как указывает А.И. Саперов, «юридическая безграмотность подозреваемого и как следствие, незнание своих прав и неумение ими пользоваться является одной из проблем, приводящих к нарушению права на защиту. Другой проблемой является процессуальный нигилизм, который нередко выражается в ненадлежащем исполнении своих процессуальных обязанностей по разъяснению права на защиту лицами, производящими дознание и следствие, является немаловажным фактором нарушения права на защиту. Избавиться от правового нигилизма можно только путем изменения правосознания сотрудников правоохранительных органов и повышения их профессионального мастерства. Кроме того, важной гарантией от нарушений указанного права явилось бы закрепление в законе требования о необходимости вручения подозреваемому, письменного перечня его прав и обязанностей» [44, с. 9].

Действительно, в большинстве случаев задержанные лица не обладают юридической грамотностью, не осведомлены о правах, гарантированных Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законом, однако, для любого должностного лица органа расследования установлена обязанность разъяснять вышеуказанные права, включая право на вызов защитника.

В рамках одного из дел «К. обратился в суд с административным исковым заявлением к Управлению Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Череповцу о присуждении компенсации за нарушение условий содержания, выразившихся в не предоставлении права на получение квалифицированной юридической помощи, в размере 50000 рублей.

В обоснование требований указал, что в период с 12 по 13 ноября 2018 года находился под стражей в отделе полиции города Череповца, в указанный период не мог воспользоваться своим правом на получение квалифицированной юридической помощи, которая была необходима в связи с проведением обыска в принадлежащем ему жилом помещении. Письменного отказа от юридической помощи (адвоката) в порядке статьи 49, статьи 52 УПК

РФ им не заявлено. В связи с нарушением прав просит присудить соответствующую компенсацию.

Третий кассационный суд общей юрисдикции в удовлетворении требований отказал, поскольку было установлено, что в деле отсутствуют доказательства обращения истца к сотрудникам полиции по вопросу предоставления в оспариваемый период времени юридической помощи, возможности осуществить телефонный звонок защитнику либо родственникам, а также доказательства, свидетельствующие об обращениях с жалобой по вопросу отказа в предоставлении защитника» [20].

Если в дело не привлечен защитник по соглашению, допрос осуществляется с участием того защитника, который назначен следователем. Последние, как правило, в отношении лица, подозреваемого в уголовно-наказуемом деянии, занимают нейтральную позицию. Исследователи указывают, что на практике нередки случаи, в рамках которых адвокат, действующий в деле как защитник по соглашению, следователем подменяется на защитника по назначению [47].

В литературе отмечается, что «встречаются случаи, когда следователь на досудебной стадии, преследуя свои интересы, согласно закону обеспечил подозреваемого своим адвокатом, который фактически представил только ордер и на допросе не присутствовал, а впоследствии подписал протокол, не интересуясь его содержанием. Адвокатом с подозреваемым не была проведена беседа перед допросом, ему не были разъяснены нормы УПК РФ относительно правил и последствий дачи показаний, и не была выработана и согласована линия его защиты. Рассматривая дело в суде, при отказе подсудимого от ранее данных показаний, прокурор будет настаивать на их правдивости, а суд не может критически оценить правдивость или неправдивость первоначальных показаний этого подсудимого.

Подозреваемый гражданин после задержания работниками оперативного отдела находится в стрессовом состоянии. В этот момент следователь желает его допросить, а подозреваемый, до конца не осознавая

последствий, согласен подписать необходимые следователю признания. С целью получить необходимые доказательства в виде протокола допроса подозреваемого с признательными показаниями, от которого подсудимый впоследствии не сможет отказаться, следователь предпринимает все меры для того, чтобы данный протокол был подписан «нужным» адвокатом с приложением его ордера об участии при допросе» [44, с. 9].

Стоит отметить, что на протяжении длительного периода, качество услуг, предоставленных защитниками по назначению, исследователями ставится под сомнение и критикуется [4, с. 35].

Распространенным нарушением права на защиту служит использование служащими правоохранительных органов некоторых приемов (в том числе введение в заблуждение, обещания и другие), для дачи задержанными лицами тех показаний, которые наиболее приемлемы для правоохранителей. Впоследствии признания отражаются в явке с повинной, выступая в качестве основания возбуждения производства по делу. По замечания исследователей, чтобы оспорить в дальнейшем такие показания, необходимо приложить существенные усилия [11, с. 51].

По ряду категорий дел правоприменители используют такой способ, при котором следователь длительное время не предъявляет потенциальному подозреваемому обвинение, и последний выступает в процессе фактически до окончания расследования в статусе свидетеля. Подобный прием позволяет не знакомить подозреваемого с полученными доказательствами, с материалами дела, а, соответственно, последний утрачивает возможность их своевременного опровержения.

Что касается способов, которые следует применить подозреваемому, чтобы исключить нарушение своих прав, то исследователи предлагают осуществлять обжалование неправомерных решений и действий должностных лиц органов расследования. Как правило, защита применяет обжалование, регламентированное в ст. 125 УПК РФ, тем не менее в реальной жизни, в целях

доказывания допущенных нарушений, зачастую приходится обращаться в вышестоящие инстанции [3, с. 123].

В литературе указывается, что «нарушение уголовно-процессуального закона следователями и дознавателями завуалировано и практически не доказуемо, т.к. на поверку оно выглядит как строгое исполнение ими закона об обеспечении права на защиту подозреваемого, обвиняемого. На самом же деле нарушение ставит подозреваемого, обвиняемого в безвыходное положение по реализации права на предоставление доказательств, поскольку в суде показания подозреваемого, обвиняемого, данные на предварительном следствии в присутствии адвоката не могут быть оспорены подсудимым» [44, с. 9].

Исходя из сведений, предоставленных правозащитниками, зачастую на практике не учитываются и остаются незамеченными ходатайства защитников и приводимые ими доводы, не обеспечивается равноправие сторон процесса. Также до настоящего времени существуют случаи, когда адвокатам по соглашению не обеспечивается допуск в процесс. В некоторых случаях субъект, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, лишается возможности привлечь адвоката по собственному выбору. Кроме того, следствие может препятствовать реализации подозреваемым некоторых иных прав, регламентированных ст. 46 УПК РФ. Исходя из этого, реальная состязательность в процессе производства по делу может отсутствовать.

Анализируя практику судебных органов можно заметить, что суды зачастую указывают на нарушения, допускаемые органами расследования, которые отражаются на сроках рассмотрения дел. Все это, безусловно, подрывает веру населения нашей страны в компетентность и объективность органов правопорядка.

Например, по одному из дел на этапе предварительного следствия были совершены грубые «ошибки», в связи с чем материалы дела оказались переданы обратно в прокуратуру. «Учитывая, что данное уголовное дело возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ст. 167 ч. 2 УПК

РФ, а не в отношении конкретного лица и постановлением от <...> в отношении ФИО1 была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, то в соответствии со ст.46 ч.1 п. 3 УПК РФ он приобрел процессуальный статус подозреваемого с указанной даты до предъявления ему обвинения.

Таким образом, в силу императивности вышеуказанной нормы, предусматривающей конкретный срок для предъявления обвинения: 10 дней с момента применения меры пресечения, соответственно, обвинение должно было быть предъявлено ФИО1 не позднее <...>.

Исходя из смысла закона, если обвинение не будет в данный период предъявлено, то мера пресечения автоматически отменяется, независимо от того, вынесло ли должностное лицо постановление об отмене этой меры пресечения. Данная норма закона не предоставляет должностным лицам права произвольно сохранять за подозреваемым меру пресечения по истечении 10 суток с момента ее избрания (до предъявления обвинения) и не позволяет сохранять за подозреваемым такой статус на неопределенное время. Соответственно, с момента отмены меры пресечения в силу ст. 46 ч. 1 п. 3 УПК РФ лицо утрачивает процессуальный статус подозреваемого.

В установленный законом срок обвинение ФИО1 не было предъявлено. Постановление об отмене меры пресечения по истечении этого периода следствия в нарушение требований ст. 100 УПК РФ следователь ФИО7 не вынесла.

В силу ст. 46 ч. 1 п. 3 УПК РФ с <...> ФИО1 фактически утратил статус подозреваемого по делу, поскольку мера пресечения в виде подписки о невыезде не могла быть за ним сохранена в соответствии с требованиями ст. 100 УПК РФ. Обвинение было предъявлено ФИО1 только <...>

В период времени с <...>, когда ФИО1 уже не имел какого-либо определенного статуса по делу, следователь ФИО7 проводила многочисленные следственные действия, в том числе с его участием в статусе подозреваемого: - <...> проведена очная ставка между подозреваемым ФИО1

и потерпевшим ФИО8; - <...> проведена очная ставка между подозреваемым ФИО1 и свидетелем ФИО9

<...> подозреваемый ФИО1, и его защитник ознакомлены с постановлением о назначении трасологической судебной экспертизы. В протоколе ознакомления подозреваемый ФИО1 указал на желание лично принять участие в производстве данной экспертизы для дачи объяснений по существу повреждений <...>

Однако производство экспертизы было начато <...>, т.е. днем раньше, чем подозреваемый, и его защитник знакомлены с постановлением о ее назначении» [35]. Вместе с этим в деле содержались и прочие нарушения.

По данному делу принято обоснованное постановление о возврате дела, в рамках которого П. обвинялся в уголовно-наказуемом деянии, квалифицированном по ст. 167 ч. 2 УК РФ, прокурору в целях устранения сделанных нарушений, не позволяющих разрешить дело по существу.

Безусловно, это не все проблемы, связанные с осуществлением подозреваемыми прав на защиту, однако, именно они являются наиболее распространенными на практике.

Таким образом, большинство проблем обеспечения прав подозреваемого связано со следующими негативными факторами:

- с правовой безграмотностью граждан, исходя из которой попав под подозрение они не имеют представлений о тех действиях, которые они вправе совершить;
- с ненадлежащим выполнением процессуальных обязанностей сотрудниками органов расследования, которые не информируют подозреваемых о принадлежащих им правах;
- с фактическим неравноправием сторон процесса;
- с пробелами в правовом регулировании.

Что касается последней проблемы, то для ее частичного разрешения необходимо, как минимум, предусмотреть в УПК РФ обязанность следователя

и дознавателя в письменном виде предоставить подозреваемому перечень его процессуальных прав и порядок их реализации.

2.3 Совершенствование процессуального статуса подозреваемого в современном уголовном процессе РФ

Многие авторы отмечают, что проблемы защиты прав подозреваемого связаны, в первую очередь, с отсутствием законодательного определения для этого участника процесса [34, с. 36]. Многие отмечают несовершенство комплекса условий введения в процесс фигуры подозреваемого, а также считают недостатком тот факт, что основные процессуальные права у такого лица появляются лишь при использовании принудительных мер. Безусловно, такие меры следует рассматривать наиболее жесткими и чрезвычайными, во многом ущемляющие основополагающие права человека. Стоит напомнить, что если в отношении гражданина не произведено задержания, однако, имеется подозрение о его участии в уголовном деянии, то он находится в таком состоянии, когда право на защиту ограничено, а, соответственно, он попадает в неопределенное положение, не имеет представления о дальнейших необходимых действиях [34, с. 36].

Такие ситуации наблюдаются, например, когда гражданин привлекается к следственным действиям, цель которых состоит в определении факта его причастности к криминальному посягательству, и при этом для использования мер пресечения отсутствуют потребность и основания.

Как правило, отсутствует возможность установить обоснованность подозрения определенного гражданина в преступлении, без его допроса по поводу условий и цели реализации конкретных действий. Соответственно, компетентные органы проводят допрос этих граждан как свидетелей, либо согласно нормам о допросе подозреваемых. При этом применяется установленный бланк для допроса. Тем не менее, подобная практика является незаконной, поскольку согласно ст. 46 УПК РФ, допрос субъекта как

подозреваемого, когда он не имеет такого статуса, не соответствует закону. Авторы указывают, что допрос подозреваемых в статусе свидетеля имеет место почти в половине уголовных дел. В таких случаях всегда разрешается вопрос относительно их участия в криминальном акте [34, с. 36].

В доктрине указывается, что устранить такую проблему реально исключительно путем увеличения комплекса оснований, применяемых для наделения лица статусом подозреваемого. В разные времена существовали различные подходы, например, что считать определенного субъекта подозреваемым целесообразно после осуществления какого-либо следственного действия, нарушающего права данного лица. Признание подозреваемым только после возбуждения дела также является распространенным предложением в доктрине. Кроме того, основанием возникновения статуса подозреваемого рассматривается принятие об этом надлежащего постановления. Однако, ряд авторов заверяют, что подобное основание неоправданно [24, с. 68], в том числе в связи с тем, что действующее регулирование, по их мнению, наиболее эффективно, поскольку оно себя оправдывало на протяжении многих лет [34, с. 37]. Полагаем, что с данной позицией не следует соглашаться, поскольку если бы правовое регулирование было эффективным, на практике не наблюдалось бы множества случаев необоснованного нарушения прав лиц, подозреваемых в совершении преступлений.

Начиная с введения в действие УПК РСФСР 1960 года, в качестве оснований наделения лица процессуальным статусом подозреваемого, в отечественном законодательстве закрепились такие условия, как:

- использование в отношении лица меры пресечения, раньше, чем предъявлено обвинение;
- задержание лица по подозрению в реализации криминального посягательства;

Конструкция «возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица» введена в соответствующую норму УПК РСФСР весной 2001 г.

В этом случае также стало возможно говорить о появлении в деле подозреваемого.

После вступления в силу современного УПК РФ, вышеназванные основания в неизменном виде оказались отражены в ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Их состав не менялся до 2007 года, когда в ст. 46 УПК РФ оказалось введено новое основание признания лица подозреваемым. Оно было важным (для развития института подозрения и оптимизации соответствующей практики) основанием появления подозреваемого в уголовном процессе. Им оказалось уведомление о подозрении в реализации криминального акта. В то же время, роль такого основания умалялась тем, что оно могло быть применено исключительно при расследовании посягательств, исключающих реализацию предварительного следствия.

Соответственно, по большинству уголовно-наказуемых деяний, по которым исходя из УПК РФ проведение предварительного следствия обязательно, а также по деяниям, указанным в ст. 150 УПК РФ в случае повышения их общественной опасности в связи с квалифицированными признаками, наделение субъекта процессуальным статусом подозреваемого происходит путем использования оснований, закрепленных в законодательстве советского периода. Полагаем, что такие факты не соответствуют тенденциям оптимизации уголовного судопроизводства.

В нынешних условиях развития криминальной сферы в нее введены новейшие средства и устройства. Кроме того, сегодня число уголовных дел, чье возбуждение возможно осуществить в отношении определенного субъекта уменьшается, что связано с указанной динамикой развития криминальной сферы.

Споры среди теоретиков по поводу оснований появления статуса подозреваемого ведутся давно, и в настоящее время не утихают. Существуют те, кто указывает на логичность этих оснований. Среди авторов особо активно это делал В.Н. Шпилев, хотя свои доводы данный ученый приводил еще до вступления в силу нового УПК РФ [62, с. 70]. Полагаем, что последний факт

не имеет значения, поскольку вхождение в дело подозреваемого с опорой на институт принудительных мер было предусмотрено, как было ранее указано, еще советским законодательством.

В то же время немало ученых, которые считают нецелесообразным возникновение статуса подозреваемого посредством использования принудительных мер [43, с. 63]. Это указывает на актуальность вопроса, касающегося оптимизации нынешней системы оснований возникновения процессуального статуса подозреваемого.

Сегодня весьма распространено убеждение, что наиболее целесообразно применять всего одно основание, - вынесение соответствующего процессуального акта. В доктрине предлагают разные наименования такого акта. Среди вариантов: «о вступлении в дело в статусе подозреваемого», «о признании подозреваемым» и др. [46, с. 158].

В теории указывают, что подобный процессуальный документ целесообразно именовать как «постановление об уголовном преследовании» [33, с. 52]. Такой документ оформляется в виде постановления, и в целях «его применения в качестве основания возникновения в процессе подозреваемого в целях логичной аргументации необходимости возникновения процессуального статуса у конкретной персоны, в отношении которой должно быть реализовано уголовное преследование ввиду возникновения обоснованного подозрения о причастности к совершению общественно опасному деянию и, как следствие, нуждающейся в защите от такового как путем квалифицированной юридической помощи, обеспечиваемой предусмотренной ст. 49 УПК РФ процессуальной фигурой, так и допустимостью отказа от каких-либо пояснений и разъяснений по существу общественно опасного деяния, факт совершения которого повлек за собой возникновение персонифицированного подозрения, выступающих неотъемлемым конституционным правом каждой личности» [33, с. 52].

На необходимость оптимизации правового положения подозреваемого указывает тот факт, что имеется существенное «число обращений с жалобами

к Уполномоченному по правам человека Российской Федерации, поступивших на рассмотрение по итогам 2022 года в защиту интересов подозреваемых и обвиняемых, количество которых составило 7843. Конечно, по меркам общего числа преступлений, предварительно расследованных за 2022 год, составивших 1035,5 тыс., количество жалоб формирует значение чуть менее 1 %. Однако, количество преступлений из числа указанных, по которым предварительное следствие обязательно, составило 464,8 тыс. что повышает процент жалоб до 1,7 %. На первый взгляд указанное в процентном соотношении количество жалоб логично отнести к несущественному, однако, порядок обжалования действий и решений должностных лиц в уголовном судопроизводстве, определяемый положениями ст. ст. 124, 125 УПК РФ даже не предусматривает право обжалования Уполномоченному по правам человека Российской Федерации и ее субъектов. В виду изложенного, с учетом указанных норм УПК РФ, определяющих порядок обжалования, достижимый в большинстве своем по результатам последовательного обжалования руководителю следственного органа, прокурору, в суд, логичен вывод о вынужденности участников уголовного процесса со стороны защиты прибегать к крайней мере защиты своих прав и законных интересов, состоящей в обращении с жалобами к Уполномоченному по правам человека Российской Федерации» [33, с. 52].

В одном из Докладов о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ отмечалась «обоснованность поступивших жалоб, порождаемых вынесением правомочными должностными лицами несправедливых решений, в том числе с нарушением порядка применения мер процессуального принуждения, повлекших процесс обжалования до уровня Уполномоченного по правам человека, а в масштабе обжалуемых решений, на несовершенство уголовно-процессуального законодательства РФ, влекущего возникновение сложностей в правоприменительной практике вплоть до очевидных нарушений, как результат скорее безысходности, чем недостаточной квалификации правоприменителей. При этом именно действия

сотрудников органов предварительного следствия повлекли за собой направление Уполномоченному по правам человека наибольшего количества обращений, составляющего 85 % от общего, вышеприведенного числового значения. На системность обозначенной проблемы указывает статистика предшествующих лет, фиксирующая еще большее число обращений подозреваемых, обвиняемых в защиту их нарушенных прав, и таковых на рассмотрение Уполномоченного по правам человека Российской Федерации за 2020 год поступило 8 264, по итогам 2021 года - 8146, что, однако, обусловлено снижением общего уровня преступности» [33, с. 53].

Вызывает интерес для исследования такая категория, как «обоснованность подозрения». Ее определение на предусмотрено УПК РФ, однако, потребность в этом можно установить из позиций, изложенных высшими судебными инстанциями. Как пример можно указать Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П [36], Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [39], Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [38] и другие. В данных актах большое значение на досудебном этапе отведено обоснованности подозрения.

Таким образом, следует констатировать, что устаревшая модель оснований признания лица подозреваемым нуждается в совершенствовании. Сегодня по большинству уголовно-наказуемых деяний наделение субъекта процессуальным статусом подозреваемого происходит путем использования оснований, закрепленных в законодательстве советского периода. Однако, в нынешних условиях развития криминальной сферы, введения в нее новейших средств и устройств, это неактуально.

По итогам настоящей главы, мы можем резюмировать следующее.

Комплекс прав подозреваемого, регламентированный в ч. 4 ст. 46 УПК РФ видится весьма значимым в первую очередь для того, чтобы подозреваемый имел возможность защиты. Без этого не будет соблюден важнейший для уголовного судопроизводства принцип состязательности. Большую роль играет право на помощь защитника и конфиденциальную встречу с ним до проведения первого допроса.

Распространенным нарушением прав человека на неприкосновенность и свободу при расследовании криминальных деяний, следует признать необоснованное использование мер принуждения. Эта проблема до сих пор существует, хотя в последнее время имеется позитивная тенденция, связанная с уменьшением числа граждан, которые в итоге освобождаются, поскольку изначально не имелось правомерных оснований для применения к ним меры, сопряженной с изоляцией от социума.

На протяжении длительного периода, качество услуг, предоставленных защитниками по назначению, исследователями ставится под сомнение и критикуется. Распространенным нарушением права на защиту служит использование служащими правоохранительных органов некоторых приемов (в том числе введение в заблуждение, обещания и другие), для дачи задержанными лицами тех показаний, которые наиболее приемлемы для правоохранителей. Впоследствии признания отражаются в явке с повинной, выступая в качестве основания возбуждения производства по делу.

Поскольку устаревшая модель оснований признания лица подозреваемым нуждается в совершенствовании, полагаем, что наиболее целесообразно применять всего одно основание, - вынесение соответствующего процессуального решения. Такой процессуальный акт целесообразно назвать «постановление о признании подозреваемым». Именно его необходимо считать единственным основанием введения в дело подозреваемого. Выносить его необходимо в отношении конкретного лица, подвергаемого с этого момента уголовному преследованию, исходя из появления обоснованного подозрения, касающегося причастности данного

лица к реализации уголовно-наказуемого деяния. Полагаем, что вынесение процессуального акта служит условием, требующимся для зарождения, изменения и завершения процессуальных отношений. Исходя из этого можно заключить, что в отсутствие процессуального акта компетентного субъекта правоприменения, подозреваемый не способен стать субъектом уголовно-процессуального отношения, обладателем установленных в законе правомочий и обязанностей.

Таким образом мы можем заключить, что оптимизировать ранее действующую уголовно-процессуальную модель наделения лица статусом подозреваемого, возможно путем признания приоритета именно обоснованного подозрения. При этом зависимость возникновения рассматриваемого статуса от применения мер пресечения и задержания будет устранена.

Заключение

Исследование эволюции статуса подозреваемого в отечественном уголовном процессе, на наш взгляд, способствует выделению ряда основных периодов развития. В начальный период (1715-1860 годы) основание появления такого процессуального участника в деле связывалось с формулировкой подозрения. В последующий период (1860-1922 годы) подозреваемый вовлекался в процесс посредством совершения в отношении него процессуального действия. Третий период (1922-1937 годы) выделяется тем, что хотя понятие «подозреваемый» применялось на практике, его нормативной регламентации не предусматривалось. В четвертый период процессуальная фигура подозреваемого вовсе была упразднена (1937-1958 годы). Наконец, последний период, по нашему мнению, начинается с 1958 года, когда соответствующий процессуальный статус лицо стало получать в зависимости от совершения в отношении него определенных процессуальных действий. Современный этап развития правового положения подозреваемого характеризуется тем, что повышенное внимание законодателя уделено соблюдению прав таких субъектов. Безусловно, лицо, чья вина в совершении преступного деяния еще не доказана, не должно подвергаться чрезмерному ущемлению прав и свобод.

Полагаем, что применение во всех случаях унифицированного процессуального акта «о признании подозреваемым» было бы наиболее оптимальным. В первую очередь, такой подход будет способствовать предоставлению надлежащей защиты лицу от тех субъектов, которые принимают участие в расследовании. Поскольку в современном уголовном процессе весьма важно соблюдение прав личности, то предлагаемая мера, по нашему мнению, могла бы полноценно гарантировать получение профессиональной помощи адвоката. Кроме того, как указано выше, во всех случаях потребуются вынесение постановления о признании подозреваемым.

Исследование УПК РФ позволяет констатировать, что набор процессуальных правомочий у подозреваемого намного объемнее, чем это отражено в ст. 46 УПК РФ, и он видится весьма значимым в первую очередь для того, чтобы подозреваемый имел возможность защиты. Без этого не будет соблюден важнейший для уголовного судопроизводства принцип состязательности. Большую роль играет право на помощь защитника и конфиденциальную встречу с ним до проведения первого допроса.

Большинство проблем обеспечения прав подозреваемого связано со следующими негативными факторами:

- с правовой безграмотностью граждан, исходя из которой попав под подозрение они не имеют представлений о тех действиях, которые вправе совершить;
- с ненадлежащим выполнением процессуальных обязанностей сотрудниками органов расследования, которые не информируют подозреваемых о принадлежащих им правах;
- с фактическим неравноправием сторон процесса;
- с пробелами в правовом регулировании.

На наш взгляд, в отношении ряда субъектов, не имеющих статуса подозреваемого по уголовному делу, законодатель в некоторых статьях УПК РФ необоснованно применяет категорию «подозреваемый». На тот факт, что субъектов, участвующих в уголовном процессе, и не признанных в установленном порядке подозреваемыми, законодатель порой именует таковыми, обращают внимание в доктрине.

Исходя из сведений, предоставленных правозащитниками, зачастую на практике не учитываются и остаются незамеченными ходатайства защитников и приводимые ими доводы, не обеспечивается равноправие сторон процесса. Также до настоящего времени существуют случаи, когда адвокатам по соглашению не обеспечивается допуск в процесс. В некоторых случаях субъект, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, лишается возможности привлечь адвоката по собственному выбору. Кроме

того, следствие может препятствовать реализации подозреваемым некоторых иных прав, регламентированных ст. 46 УПК РФ. Исходя из этого, реальная состязательность в процессе производства по делу может отсутствовать.

В доктрине особо отмечается важность наличия доказательств, указывающих на участие субъекта в уголовно-наказуемом посягательстве. В то же время на практике к моменту подозрения зачастую отсутствует целостный набор доказательств, посредством которых можно подтвердить причастность гражданина к реализации криминального деяния, в особенности после поступления и фиксации сообщения о нем, указывающего на начало судопроизводства в общем. Как свидетельствует практика, до возбуждения дела подозрение может распространяться и на субъект, реализовавший деяние, и на того, кто к нему не причастен. Любой из данных граждан может быть фактически подвергнут задержанию либо подозреваться с составлением протокола о задержании. современном уголовном процессе подозреваемый должен располагать эффективными инструментами, позволяющими ему обеспечить защиту своих правомерных интересов. Между тем, практика свидетельствует, что нередко права подозреваемых оказываются ущемленными. Несовершенны основания, исходя из которых субъект обретает статус подозреваемого, а также гарантии на его защиту.

Анализируя практику судебных органов можно заметить, что суды зачастую указывают на нарушения, допускаемые органами расследования, которые отражаются на сроках рассмотрения дел. Все это, безусловно, подрывает веру населения нашей страны в компетентность и объективность органов правопорядка.

Сегодня по большинству уголовно-наказуемых деяний, по которым исходя из УПК РФ проведение предварительного следствия обязательно, а также по деяниям, указанным в ст. 150 УПК РФ в случае повышения их общественной опасности в связи с квалифицированными признаками, наделение субъекта процессуальным статусом подозреваемого происходит путем использования оснований, закрепленных в законодательстве советского

периода. Начало вовлечения в область уголовно-процессуальных отношений субъекта, попавшего под подозрение, связывается и с моментом его реального задержания, и с осуществлением различных процессуальных действий, пересекающихся со свободами и правами лица, нацеленных на получение доказательств. Полагаем, что такие факты не соответствуют тенденциям оптимизации уголовного судопроизводства.

Число уголовных дел, чье возбуждение возможно осуществить в отношении определенного субъекта уменьшается, что связано с указанной динамикой развития криминальной сферы.

Таким образом, устаревшая модель оснований признания лица подозреваемым нуждается в совершенствовании. Полагаем, что наиболее целесообразно применять всего одно основание, - вынесение соответствующего процессуального решения. Такой процессуальный акт целесообразно назвать «постановление о признании подозреваемым». Именно его необходимо считать единственным основанием введения в дело подозреваемого. Выносить его необходимо в отношении конкретного лица, подвергаемого с этого момента уголовному преследованию.

Итак, оптимизировать ранее действующую уголовно-процессуальную модель наделения лица статусом подозреваемого, возможно путем признания приоритета именно обоснованного подозрения.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Антонов А.П. Общий перечень прав подозреваемого [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo163.ru/obshhiy-perechen-prav-podozrevaemogo/> (дата обращения 20.05.2025).
2. Арзуманян Т. О фигуре подозреваемого // Социалистическая законность. 1956. № 10. 98 с.
3. Аскерова Э.М. Некоторые проблемы обеспечения прав подозреваемого в уголовном процессе на досудебной стадии // Закон и право. 2021. № 12. С. 121-124.
4. Аширбекова М.Т., Горкина Е.В., Попова Л.В. Защитник по назначению органов предварительного расследования: проблемы и пути их разрешения // Уголовное судопроизводство. 2022. N 4. С. 32-37.
5. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023. 672 с.
6. Велигодский В.В. Подозреваемый и его правовой статус в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. 32 с.
7. Виноградов Т.П. Принципы законотворческого процесса в России: понятие, значение и система // Конституционное и муниципальное право. 2016. N 1. С. 58-61.
8. Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 61-67.
9. Дадиева Х.Г. Институт подозреваемого в механизме уголовного преследования // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 152-154.
10. Дикарев И. Подозрение в уголовном процессе // Законность. 2013. № 8. С. 20-22.

11. Жиганов С.В. Нарушение процессуальных прав защиты на досудебной стадии: типичные случаи // Уголовный процесс. 2019. № 7 (175). С. 42-51.

12. Житков Е.О. О подозреваемых и обвиняемых и об «уголовно преследуемом свидетеле» // Советская юстиция. 1937. № 9. С. 16-17.

13. Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. М. : Экзамен, 2005. 320 с.

14. Звездина Е.И. Исторические и процессуальные аспекты развития института подозреваемого // Право и политика. М. : Nota Bene. 2007. № 5. С. 86-91.

15. Земцова А.В. Проблемы законодательного определения процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном процессе // Образование и право. 2010. № 10. С. 186-191.

16. Ивлев Ю.В. Логика: учебник. М. : МГУ, 1992 г. 272 с.

17. Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013-2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016) [Электронный ресурс].

— URL:
<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201240&cacheid=3C8FE67A51FEE6D27853E89C54274383&mode=splus&rnd=2jSGbg#HsJjfmUgbPuXRJJv> (дата обращения 20.05.2025).

18. Карнеева Л.М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 35-38.

19. Карнеева Л.М. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР // Социалистическая законность. 1954. № 12.

20. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.12.2024 по делу № 88а-24884/2024 [Электронный ресурс]. — URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=474751296328E>

A88DF8EBB6C7D1B3DA7&mode=backrefs&base=KSOJ003&n=135012&BASENODE=IiIiMiwyMTcsS1NPSiIiLCIiMiwyMTksU09KIiIsIiIyLDIsQVJCiIi&rnd=CRuVA#5gFOImUA15SPgkaC (дата обращения 20.05.2025).

21. Комментарий к уставу уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitutions.ru/?p=4950> (дата обращения 20.05.2025).

22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&dst=0&edition=etD&rnd=2jSGbg#CiFzgmUDYTAQeVdP> (дата обращения 20.05.2025).

23. Кругликов А.П. Уголовный процесс: учебник для бакалавров. М. : Норма, 2015. 688 с.

24. Лазарева В.М. Защита прав личности в уголовном процессе России: учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2022. 268 с.

25. Линчиньска М. [и др.] Польский уголовный процесс. «Государственное научное издательство». Варшава, 1975. 546 с.

26. Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Стадия предварительного расследования. Л., 1959. 168 с.

27. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М. : Норма, 2004. 233 с.

28. Lupinskaya P.A. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 1008 с.

29. Макалинский П.В. Практическое руководство для следователей. 6-е изд. СПб., 1907. 380 с.

30. Мельников В.Ю. Задержание заподозренного лица. Ростов н/Д: ИнфоСервис, 2003. 222 с.

31. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О // «Вестник Конституционного Суда РФ», № 3, 2005.

32. Парфенова М.В. Процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого: от Устава уголовного судопроизводства до уголовно-процессуального кодекса российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnyy-status-podozrevaemogo-i-obvinyaemogo-ot-ustava-ugolovnogo-sudoproizvodstva-do-ugolovno-protsessualnogo-kodeksa> (дата обращения 20.05.2025).

33. Поликарпова О.С. Совершенствование процессуального статуса подозреваемого посредством модернизации оснований его возникновения // Юридические исследования. 2024. № 2. С. 49-54.

34. Пономаренко С.И. Понятие подозреваемого в уголовном процессе России // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3. С. 35-38.

35. Постановление № 1-178/2016 от 25 января 2016 г. по делу № 1-178/2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YpW1YM0wHuxC/?ysclid=mbbv8d4ib4464848405> (дата обращения 20.05.2025).

36. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П // «Российская газета», № 270, 29.11.2013.

37. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П // «Российская газета», № 128, 04.07.2000.

38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // «Российская газета», № 294, 27.12.2013.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // «Российская газета», № 150, 10.07.2015.

40. Приказ МВД России от 30.04.2012 N 389 (ред. от 06.07.2020) «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» // «Российская газета», № 156, 11.07.2012.

41. Рахунов Р.Д. Существенные вопросы уголовного судопроизводства // Социалистическая законность. 1958. № 7. С. 10-15.

42. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. - М. : Юрид. лит. 1984-1994. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. 1986. 511 с.

43. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М. : Проспект, 2019. 192 с.

44. Саперов А.И. Подозреваемый в уголовном процессе // Science Time. 2023. С. 7-11.

45. Свод законов Российской империи. 3-е изд. СПб., 1857. Т. XV. Ч. 2. 118 с.

46. Смолькова И.В. Подозреваемый и его процессуальное положение в российском уголовном судопроизводстве: монография. М. : Юрлитинформ, 2020. 456 с.

47. Соловьева Ю.И. Нарушение права на защиту в уголовном процессе [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=105583&dst=100009&cacheid=8AE687E6AF232340AE5546D7313C088D&mode=splus&rnd=2jSGbg#z98JlmUWTYnE8bL7> (дата обращения 20.05.2025).

48. Сопнева Е.В. Эволюция статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Юрист-правовед. 2010. № 2. С. 75-78.

49. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. 191 с.

50. Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2004. 25 с.

51. Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // «Свод законов РСФСР», т. 8, с. 613.

52. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&doc_id2=30414958#pos=39;-100&pos2=1134;-98 (дата обращения 20.05.2025).

53. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#activate_doc=2&pos=78;-104&pos2=1679;-98 (дата обращения 20.05.2025).

54. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // «Российская газета», № 249, 22.12.2001.

55. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864?ysclid=mbatmxr343103449394> (дата обращения 20.05.2025).

56. Фадеев П.В., Иванов Д.А. О понятии подозреваемого и проблемах совершенствования его процессуального статуса // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 226-230.

57. Федеральный закон от 08.08.2024 № 267-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Российская газета», № 182, 16.08.2024.

58. Фролова Е., Горбань А. Правовая обеспеченность доказательственной силы объяснения в уголовном процессе России // Уголовное право. 2015. № 3. С. 112-118.

59. Химичева О. В., Шаров Д. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 56-61.

60. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 24 с.

61. Шишков А.А. Приобретение лицом статуса подозреваемого: некоторые нерешенные проблемы закона. Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 183-186.

62. Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1970. 176 с.